

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

I

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА

1951

ЛЕНИНГРАД

*В. М. Жирмунский***СЛЕДЫ ОГУЗОВ В НИЗОВЬЯХ СЫР-ДАРЬИ**

1

Эпические сказания огузов, объединенные в «Книге моего деда Коркуда», сложились в устном предании этого народа на разных последовательных этапах его развития.

Как указал акад. В. В. Бартольд, окончательная дошедшая до нас редакция «Китаби Коркуд» оформилась в XV в. в Закавказье и сохранилась в рукописи конца XVI в. «Связанный с именем Коркуда эпический цикл, — писал Бартольд, — едва ли мог сложиться вне обстановки Кавказа». ¹ «Действие происходит на армянской возвышенности: гяуры, с которыми приходится иметь дело богатырям, — трапезундские греки, грузины, абхазцы».²

Однако этому окончательному оформлению огузских эпических сказаний предшествовало, как это всегда бывает в истории народного эпоса, продолжительное существование и развитие в устно-поэтической традиции. Как утверждает тот же В. В. Бартольд, «предания об огузах, Коркуде и Казан-беке несомненно перенесены были на Запад в эпоху Сельджукской империи (XI—XII вв.), к которой относится также отуречение Азербайджана, Закавказья и Малой Азии».³ «С берегов Сыр-дарьи принесли огузы на Запад предания о народном патриархе и певце Коркуде, создателе и хранителе народной мудрости».⁴

В частности, по поводу могилы «святого Хорхута» в низовьях Сыр-дарьи, ниже Джусалы, Бартольд замечает, что этот культ Коркуда «имеет на Сыр-дарье уже тысячелетнюю давность». «Единственным, насколько известно, периодом, когда местность по нижнему течению Сыр-дарьи имела центральное значение в жизни огузов, был X век; в то время мусульманская колония, называвшаяся „Новым селеньем“ (ал-Карья ал-Хаджа —

¹ В. В. Бартольд. Турецкий эпос и Кавказ. Сб. «Язык и литература», т. V, Л., 1930, стр. 17.

² В. В. Бартольд. Китаби-Коркуд, предисловие. ЗВО РАО, т. VIII, 1894, стр. 204.

³ В. В. Бартольд. Еще известие о Коркуде. ЗВО РАО, т. XIX, 1900, стр. 76.

⁴ W. Barthold. 12 Vorlesungen über die Geschichte der Türken Mittelasiens, bearb. v. Th. Menzel, стр. 107.

по-арабски, Дих-и нау — по-персидски, Янгыкеат — по-тюркски), ныне развалины Джанкента, были зимним пребыванием царя огузов».¹

Исходя из этого положения, мы можем в настоящее время, путем обращения к историческим свидетельствам и фольклорным источникам, установить в ряде случаев с довольно большой ясностью, какие именно сюжеты цикла Коркуда сложились у огузов в более древнюю пору в низовье Сырдарьи, где мы застаем их в IX—X вв., какие относятся к более позднему времени и возникли в XII—XIV вв. уже на территории Закавказья и Малой Азии.

К числу первых, кроме преданий о самом Коркуде, широко распространенных и поныне среди народов Средней Азии (у туркмен, казахов, каракалпаков и узбеков), относится прежде всего сказание о «Разграблении дома Салор-Казана», засвидетельствованное на туркменской почве двумя упоминаниями в «Родословной туркмен» Абулгази-хана (1650).² Сказание это, повидимому, отражает исторические воспоминания о продолжительных и кровавых войнах между огузами и печенегами (беджне) во второй половине IX в., о которых свидетельствуют на Западе Константин Багрянородный, а на Востоке Ал-Мас'уди, Истахри, Марвази и другие источники.³

С другой стороны, рассказ о сватовстве Кан-Турали к дочери трапезундского таговора, как указал уже Бартольд, соприкасается с многочисленными трапезундскими сказаниями о сватовстве.⁴ Добавим, что и «Песнь об удалом Домруле» по своему сюжету непосредственно связана с трапезундскими песнями о Дигенисе Акрите (борьба героя с ангелом смерти, подвиг жены, отдающей свою душу как выкуп за мужа).⁵ В обеих поэмах, стоящих рядом (V и VI), отсутствуют, как заметил уже Бартольд, имена других богатырей огузского цикла,⁶ что само по себе свидетельствует о их позднейшем вхождении в этот цикл.

Древним и, может быть, историческим является имя главного богатыря огузов, вождя салоров Казан-бека (Салор-Казана). Имя это и засвидетельствовано в устной традиции туркмен салоров⁷ и в «Родословной туркмен» Абулгази.⁸ Напротив, Баюндур-хан как эпический властитель огузов относится к более позднему времени (XIV в.), когда государством

¹ Из рукописного введения В. В. Бартольда к переводу «Книги деда Коркуда», 1922 (Архив АН СССР, 68, I, 183).

² Абулгази. Родословная туркмен. Перевод А. Туманского, Ашхабад, 1898, стр. 39 и 63—65.

³ См. Сочинения Константина Багрянородного. М., 1899, стр. 139 («De administrando imperio», гл. 37); J. Marguaret. Über das Volkstum der Komänen. Berlin, 1904, стр. 25—26 (Al Mas'ūdī); «Hudūd al'Alam», transl. by V. Minorsky, London, 1937, стр. 313—314 (Istakhri); Margazi. Sharaf al-Zamān Tāhir by v. Minorsky London, 1942, стр. 29—30, 95). Ср. также: П. П. Иванов. Очерки истории каракалпаков. Сб. «Материалы по истории каракалпаков», т. VII, изд. АН СССР, 1935, стр. 11—12.

⁴ В. Бартольд. Турецкий эпос и Кавказ, стр. 4—5.

⁵ Ср.: А. Lesky. Alkestis, der Mythos und das Drama. Wien, 1925, стр. 27—28.

⁶ В. Бартольд. Турецкий эпос и Кавказ, стр. 4.

⁷ А. Туманский. По поводу Китаби-Коркуда. ЗВО РАО, т. IX, 1895, стр. 269—271.

⁸ См. перевод А. Туманского (Ашхабад, 1897, стр. 39, 61—63, 65—73).

огузов в Малой Азии правила туркменская династия Белого Барана, происходившая из в то время господствовавшего племени баюндур (байбындыр).¹ В «Китаби Коркуд», в угоду этой позднейшей традиции, Салор-Казан сделан зятем властителя огузов Баюндур-хана.

К древнейшим сказаниям огузского цикла относится также «Рассказ о Бамси-Бейреке, сыне Кам-бури».² Сказание это до настоящего времени широко известно в Средней Азии, среди узбеков, каракалпаков и казахов, под названием «Алпамыш» («Алпамыс-батыр»)³ «Алпамыш» совпадает с «Бамси-Бейреком» как по именам ряда действующих лиц, так и по общему сюжету и отдельным частным мотивам.

«Родословная туркмен» Абулгази-хана, среди других воспоминаний о героях цикла Коркуда, относящихся к среднеазиатскому (сыр-дарьинскому) периоду истории огузского эпоса, содержит также важное свидетельство об Алпамыше и его невесте, богатырской деве Барчин. В последней главе, озаглавленной «Девушки, которые были беками у огузова племени», Абулгази называет — со слов «стариков и бахши, хорошо знающих историю» — «семь девушек», которые, «подчинив себе все огузово племя, много лет были беками». Среди них на первом месте названа жена Салор-Казан-Алпа (также известная как воительница из «Китаби-Коркуд»), на втором месте — «Барчин-Салор, дочь Кармыш-Бая и жена Мамыш-бека» (т. е. Алпамыша). По словам Абулгази, «ее могила находится на берегах реки Сыр и пользуется известностью среди народа. Узбеки ее называют „Барчины-Гёк-Кашане“. Это — купол с хорошими изразцовыми работами».⁴

Поясним, что имя героини — Барчин (Барчин-Сулу, Ай-Барчин) — засвидетельствовано для среднеазиатского периода огузского эпоса, кроме Абулгази, показаниями узбекской, казахской и каракалпакской версии «Алпамыша» и башкирской сказкой «Алпамыша и Барсын-хылуу»,⁵ тогда как в «Бамси-Бейреке» героиня получила новое имя-прозвище — Бану-Чечек. Имя героя Алпамыш разъясняется как Алып-Мамыш (Абулгази: Мамыш-бек) или Алып-Манаш (алтайская сказка), с позднейшим оформлением по типу отглагольных имен собственных на *-мыш* (Кунтугмыш и др.).

2

С легендарной могилой богатырской девы Барчин на Сыр-дарье, упоминаемой в приведенном тексте Абулгази, следует отождествить исторический памятник, описанный археологом В. А. Каллауром (1900—1901)

¹ В. Бартольд. Очерки истории туркменского народа. Сб. «Туркмения», т. I, 1929, изд. АН СССР, стр. 33—34; Он же. Турецкий эпос и Кавказ, стр. 5. Ср. также: В. Гордлевский. Государство сельджукидов Малой Азии. Изд. АН СССР, 1941, стр. 50

² Перевод В. Бартольда (ЗВО РАО, т. XV, 1902—1903, стр. 1—38).

³ Фазыл Юлдаш. Алпамыш. Ташкент, 1944, предисловие.

⁴ Перевод А. Туманского, стр. 73 (разрядка моя, — В. Ж.).

⁵ Башкирские народные сказки, запись и перевод А. Г. Бессонова, ред. Н. Дмитриева. Уфа, 1941, № 19.

и проф. А. Ю. Якубовским (1929) и носивший в начале XX в. у местного казахского населения название «Кёк-Кесене» («голубое здание»), уже без приурочения к эпическому имени Барчин, жены Алпамыша.

Первым открыл, описал и сфотографировал этот памятник В. Каллаур, который сообщает о нем в двух статьях, напечатанных в «Протоколах заседаний и сообщениях членов Туркестанского кружка любителей археологии» за 1900—1901 гг.¹ Памятник находился недалеко от развалин древнего города Сыгнака, в шести верстах к северо-западу от ст. Тюмень-арык.

«Здание это я осматривал [в первый раз] 24 апреля сего года [1899 г.], но весьма поверхностно, — сообщает Каллаур. — Здание это высокое, сложенное из жженого кирпича с уцелевшими орнаментными украшениями синего цвета. Здание приходит в большое разрушение не только от времени, но более еще от того, что жители из него выбирают кирпичи. Около этого здания заметны холмистые возвышенности с валяющимися кирпичами, заросшие саксаулом. Это — или остатки древних строений или же могильные насыпи. Какое назначение имел этот древний памятник — определить не берусь. А. Ниазов, служивший прежде старшим аксакалом г. Туркестана, находит, что кладка здания Кёк-Кесене такая же, как у мечети Хазрата [т. е. Ахмеда Ясеви] в Туркестане».²

После второго посещения памятника через год (в апреле 1900 г.) Каллаур описал его более подробно в специальном сообщении, к которому приложил две фотографии:

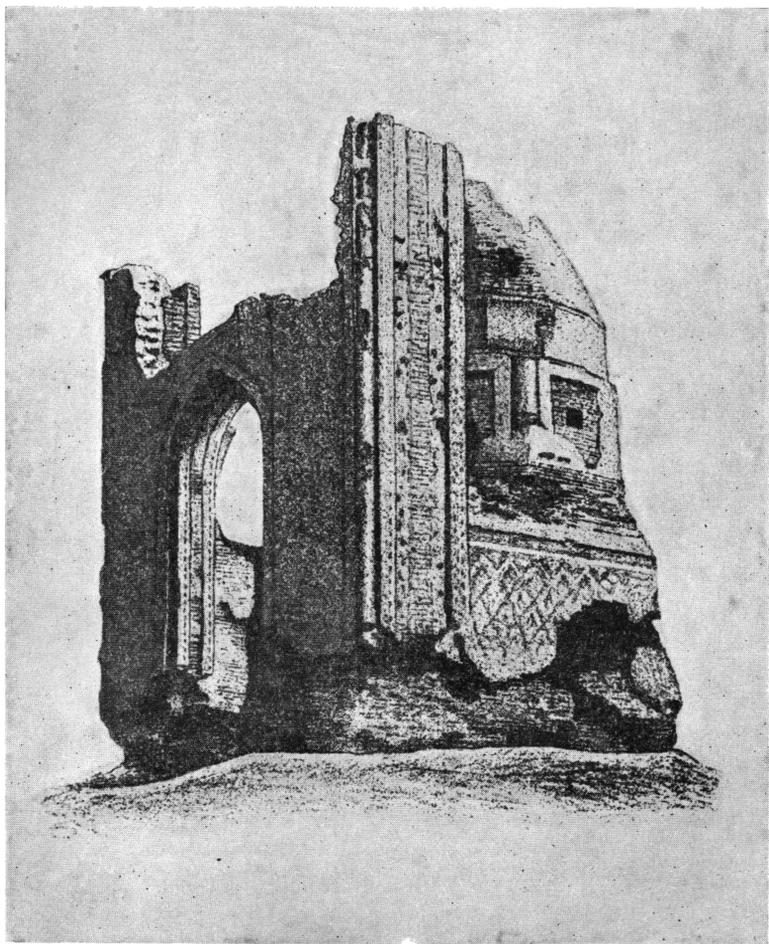
«Здание это приведено в еще большее разрушение... Но зато оно оказалось «внутри расчищенным от кирпичей и мусора», и Каллаур установил, что в «задней части оно имеет склеп, вход в который в полу завален камнем. Над склепом сложена гробница с флагом, как это делается на могилах мусульманских святых. Осмотром мною установлено, что здание это — мавзолей и что в склепе должна быть усыпальница умерших знатных лиц».

Каллаур высказывает предположение, что «очистка мавзолея от кирпича и мусора, устройство гробницы с постановкой флага, очевидно, сделано с целью объявления населению об открытии нового святого, которому, вероятно, присвоят имя Кок Кесене Ата». Случаи появления таких новых мусульманских святых и новых мест поклонения, по сведениям Каллаура, в то время были весьма часты в казахских степях.

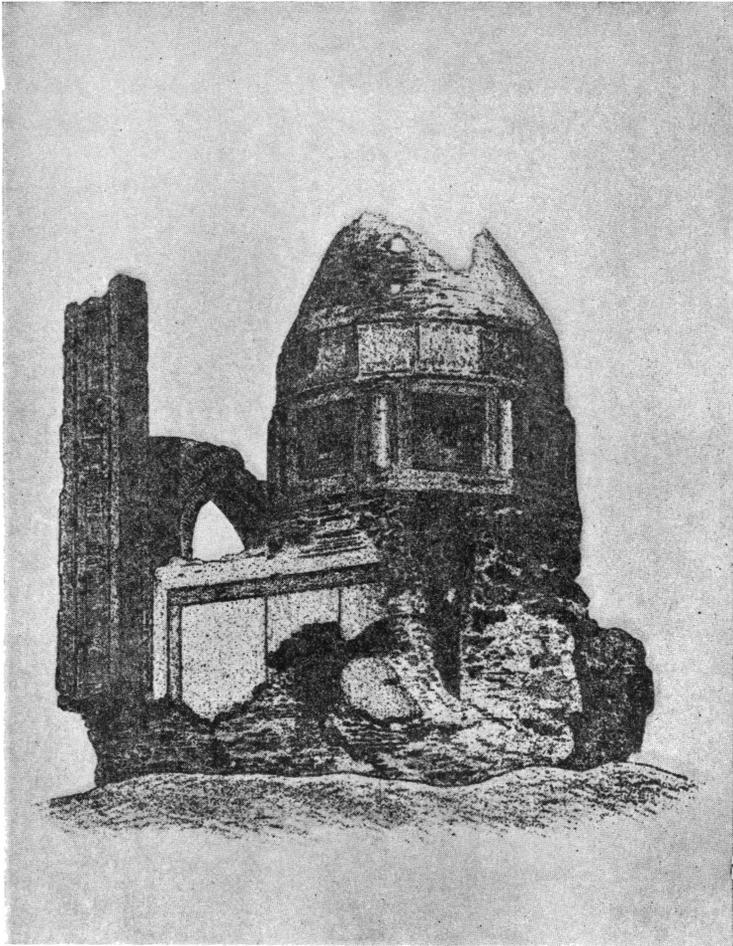
«Рядом с этим мавзолеем с юго-западной стороны один холм оказался разрытым в горизонте земли, в котором заключались развалины другого мавзолея, но меньших размеров, с остатками уцелевших стен, указы-

¹ В. Каллаур. Древние города в Перовском уезде, разрушенные Чингис-ханом в 1219 г. Приложение к протоколу от 7 февраля 1900 г. В. Каллаур. Мавзолей Кок-Кесене в Перовском уезде. Приложение к протоколу от 11 декабря 1901 г. См. также: А. Диваев. О значении слова «Кок-Кесена». Протоколы, 1909, вып. 13, стр. 11. — Сообщения В. Каллаура и А. Диваева воспроизводит И. А. Кастанье (Древности Киргизской степи и Оренбургского края. Оренбург, 1910, стр. 187—189).

² Приложение к протоколу от 7 февраля 1900 г., стр. 10—12.

Мавзолей Кек-Кесене с юго-восточной стороны.
(По фотографии В. Каллаура 1901 г.).

Мавзолей Кек-Кесене с восточной стороны.
(По фотографии В. Каллаура 1901 г.).

вающих сходство плана этой постройки с мавзолеем Кок-Кесене». «Более подробным осмотром местности, окружающей это здание, мне не удалось установить, представляют ли находящиеся в окружности холмы и холмики остатки других разрушенных мавзолеев и в таком случае местность эта составляет ли древнее кладбище, или же под этими холмами находятся остатки жилых помещений».¹

Внутри купола мавзолея Каллаур нашел арабскую надпись, повторяющуюся вокруг купола 5—6 раз. Эту надпись ему удалось скопировать с помощью одного из своих спутников-мусульман, но в дальнейшем она не была ни расшифрована, ни опубликована.

Летом 1927 г. развалины Кёк-Кесене посетил проф. А. Ю. Якубовский, производивший в то время раскопки расположенного по соседству древнего города Сыгнака. Он описал остатки этого памятника в своем исследовании «Развалины Сыгнака».²

Со слов местных жителей А. Ю. Якубовский узнал, что здание рухнуло еще в 1914 г. На месте его он нашел «большой холм, образованный рухнувшими частями постройки», над которыми возвышался сохранившийся устой южной арки портала. «Достаточно было прибегнуть к нескольким ударам топора, как открылось большое количество голубых, синих, белых изразцов. Полива на них очень высокого качества, нанесена она толстым стекловидным слоем на ангобированную белой глиной поверхность кирпича. Голубой цвет поливы, будучи отличным по своему тону от самаркандских и бухарских изразцов, не уступает лучшим из них». «Найден был и большой кусок, весь выложенный изразцовой мозаикой, в котором даны голубые, белые, синие, желтые и красные вставки. Наконец, найден был на поверхности и кусок резного неполивного терракотового кирпича. Беглого осмотра было достаточно, чтобы сказать, что Кёк-Кесене была великолепной по изразцовому убранству постройкой».

Проф. Якубовский отмечает также остатки другой постройки того же типа, упомянутые уже в статье Каллаура, расположенные кругом могилы с битыми, а иногда и цельными кирпичами, следы древних арыков. «Все в целом говорит о том, что здесь когда-то была культурная жизнь». «Хотя развалины Кёк-Кесене и отстоят в 13 верстах от Сыгнака, не подлежит сомнению, что место это жило общей с ним жизнью».

«Когда же было построено это здание и кто в нем похоронен? — спрашивает проф. Якубовский. — Наличие вышеупомянутых изразцов и изразцовых мозаик дает право думать, что здание построено не раньше конца XIV в., скорее всего в XV в.». Ссылаясь на указание одного исторического источника, согласно которому в Сыгнаке были могилы и гробницы узбекских ханов и на могилах их возводили высокие куполы (гумбезы), проф. Якубовский высказывает предположение, «что именно

¹ Приложение к протоколу от 11 декабря 1901 г., стр. 99—100.

² Сообщения ГАИМК, II, Л., 1929, стр. 154—158.

мавзолеей Кёк-Кесене и соседние с ним развалины и были этим ханским кладбищем». «Трудно представить, кто кроме узбекских ханов мог возводить такие прекрасные мавзолеи в это время»¹ (т. е. в XV в. — в непосредственном соседстве Сыгнака как ханской резиденции).

Поскольку эта датировка памятника, основанная на данных археологии и истории Средней Азии, должна быть признана правильной, встает вопрос, как объяснить старинное огузское название этого памятника «Барчинин Кёк-Кесене», засвидетельствованное в середине XVII в. у Абулгази?

Здесь возможны три объяснения.

1) Перенесение древнего огузского сказания на более поздний мавзолей узбекских ханов представляет результат позднейшего приурочения популярной народной легенды (подобно тому как легендарный мавзолей Манаса в Таласе, согласно арабской надписи, является на самом деле гробницей Клянизяк-хатун, дочери эмира Абука, воздвигнутой, как указал проф. Массон, в половине XIV в.² Трудно, однако, представить себе возможность такого приурочения древнего сказания к позднему кладбищу узбекских ханов через 200 лет после постройки памятника.

2) Наиболее вероятным представляется наличие более древних погребений огузских времен, старинной народной святыни, связанной с именем легендарной Барчин, на месте которой (как это нередко бывает) был воздвигнут новый мавзолей и возникло ханское кладбище.

3) Не исключается и следующее предположение. Проф. Якубовский, который нашел памятник уже разрушенным и имел возможность судить о его архитектурных формах только по фотографиям Каллаура, сразу отметил его особое место среди других аналогичных среднеазиатских мавзолеев. «Здание это представляло большую порталную постройку, в которой квадратное помещение имело незнакомый Туркестану (если судить по сохранившимся постройкам) переход к куполу. Квадрат переходит в восьмигранник, который, в свою очередь, переходит в шестнадцатигранник, над которым и возвышается конический купол».³

Однако некоторое сходство с Кёк-Кесене в этом отношении представляют знаменитый мавзолей огузского султана Санджара в древнем Мерве (XII в.) и мавзолей султана Текеша в древнем Ургенче (конец XII — начало XIII в.) — памятники домонгольского периода, имеющие такой же высокий барабан, поддерживающий купол, с характерным переходом квадрата в многогранник.

Некоторое сходство с постройками этого типа имеет и мавзолей Фахр-аддин Рази в древнем Ургенче (начало XIII в.), который А. Ю. Якубовский сопоставляет по его необычным архитектурным формам с Кёк-Кесене.⁴

¹ Развалины Сыгнака, стр. 156.

² См.: М. Е. М а с с о н. Время и история сооружения «Гумбеза Манаса». Сб. «Эпиграфика Востока», III, 1949, стр. 28—44.

³ Развалины Сыгнака, стр. 154.

⁴ А. Ю. Я к у б о в с к и й. Развалины Ургенча. Изв. ГАИМК, т. VI, вып. II, Л., 1930, стр. 45—48 (стр. 48 — примеч. 1).

Все эти здания, как и Кёк-Кесене, имели голубой изразцовый купол.¹

О мавзолее Санджара имеется следующее сообщение географа Якута (1216—1219): «Над ним возвышается купол голубого цвета, который виден на расстоянии одного дня пути».²

Как сообщает архитектор Б. Н. Засыпкин, к XI—XII вв. относится появление в Средней Азии глазури голубого цвета, в то время еще очень редкой, — прежде всего на куполах, где кирпичная облицовка особенно легко могла подвергнуться разрушению. «Первую глазурь голубого цвета, — пишет Засыпкин, — мы находим на куполах. Постройки с такими куполами называли кок-гумбез (голубой купол)».³

Не представляет ли Кёк-Кесене как по своему названию, так и по своим архитектурным формам древнюю постройку именно такого типа, впоследствии частично перестроенную и ставшую центром ханского кладбища, о котором говорит А. Ю. Якубовский?

Возможность такого предположения, на котором мы не считаем себя вправе настаивать, требует, конечно, тщательной проверки, — прежде всего со стороны археологов и историков архитектуры Средней Азии.

3

Памятники огузов в низовьях Сыр-дарьи довольно многочисленны и уже подвергались, хотя и недостаточно, историко-археологическому изучению. Проф. С. П. Толстов в недавнее время сделал оседлые поселения огузов предметом специального исследования, указав на текст географа Ал-Идриси (1099—1165): «Города гузов многочисленны, они тянутся на север и восток...».⁴ Как известно, в низовьях Сыр-дарьи, неподалеку от Казалинска, сохранились развалины города Янгикента, который был в X—XI вв. «зимней резиденцией царя гузов».⁵ Между Казалинском и Джусалой находилась легендарная могила «отца Коркуда» (Коркуд-ата), имя которого теснейшим образом связано с героями огузского эпоса. В числе «городов огузов» Махмуд Кашгарский (1073) называет Сыгнак,⁶ расположенный в непосредственном соседстве с мавзолеем Барчин.

В 1900—1901 гг. уже упомянутый В. А. Каллаур обследовал остатки древних городов, разбросанных к югу от Сыгнака по течению Сыр-дарьи и по ее сухому руслу, лежащему к западу от реки. «Старое русло р. Сыр-дарьи отделялось прежде выше впадения р. Арыса в р. Сыр-дарью, в местности Тугул, где развалины крепости Ичке-ульмас», и проходило

¹ Б. Н. Засыпкин. Архитектура Средней Азии. М., 1948, стр. 58—63; Б. В. Веймарн. Искусство Средней Азии. М., 1940, стр. 45—48 и 65—66.

² В. А. Жуковский. Древности Закаспийского края. Развалины Мерв. СПб., 1894, стр. 33—34.

³ Б. Н. Засыпкин, ук. соч., стр. 56.

⁴ С. П. Толстов. Города гузов. Советская этнография, 1947, № 3, стр. 55—102.

⁵ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II. СПб., 1900, стр. 179. Ср. выше, стр. 94.

⁶ С. П. Толстов, ук. соч., стр. 56.

далее по Кызыл-кумам. «Сухое русло, еще сохранившееся, носит название Угуз-жилгасы» (т. е. «Огузов овраг»): «по этому руслу, — сообщает Каллаур, — расположен ряд древних крепостей и курганов».¹

В дальнейшем Каллаур дополняет: «По собранным мною сведениям, сухое русло р. Огуз-джилгасы начинается на левом берегу р. Сыр-дарья от местности Чардар, Чимкентского уезда, и известно под этим названием до Узгента; а ниже до Бакаис-ата носит название Дарьялык; далее делится на несколько (3—4) русел».²

Это русло (или один из его рукавов) носило, повидимому, в более древнее время название Барчин-дарья. Со слов своего провожатого, «почетного киргиза» (т. е. казаха) Даулета Бошаева, Каллаур отмечает в одной из своих статей 1900 г.: «В Кызыл-кумах имеется еще другое сухое русло реки под названием Баршин-дарья, которое соединяется с Яны-дарьей на урочище Каска, ниже развалин упомянутой выше крепости Чирик-кала. По этому руслу находятся развалины древних городов Узгент и Сырлы-там».³

Каллаур поручил «лесному объездчику из киргиз» (т. е. казахов) Телепбергену Джилкибаеву осмотреть курган и мавзолей Сырлы-там на Баршин-дарье. Результаты обследования сообщаются в следующей статье: «С восточной стороны развалин кургана, в 400 шагах, имеется сухое русло реки, засыпанное частью песком, шириной в 40 шагов, которое тянется по Кызыл-кумам со стороны развалин древнего города Асанаса (Ашнаса), а ниже Сырлы-тама направляется к Яны-дарье в Хивинских владениях (между местными киргизами русло это названия не имеет). На пространстве между курганом и руслом реки видны площадки земли с небольшими канавками. Надо полагать, что эти площадки прежде были заняты древесными насаждениями или бахчами». «По словам киргиза Бошаева, это сухое русло реки называется Баршин-дарья».⁴

Сопоставив эти известия с предыдущими, Каллаур пытается следующим образом уточнить географическое соотношение трех названий — Огуз-джылгасы, Дарьялык и Баршин-дарья: «В сообщениях моих о следах древнего города Дженда и о кургане Сырлы-там говорится, что в Кызыл-кумах имеется сухое русло реки, под названием „Баршин-дарья“, по которому находятся развалины древних городов Узгента и Сырлы-там. Надо полагать, что сухое русло реки [т. е. Дарьялык] ниже Узгента,

¹ В. Каллаур. Древние города в Перовском уезде, разрушенные Чингис-ханом в 1219 г. Приложение к протоколу от 7 февраля 1900 г., стр. 10, примечание.

² В. Каллаур. Древние города, крепости и курганы по р. Сыр-дарье, в восточной части Перовского уезда. Приложение к протоколу от 18 сентября 1901 г., стр. 75.

³ В. Каллаур. О следах древнего города Дженд в низовьях Сыр-дарьи. Приложение к протоколу от 11 сентября 1900 г., стр. 83.

⁴ В. Каллаур. Развалины Сырлы-там в Перовском уезде. Приложение к протоколу от 19 марта 1901 г., стр. 15—16. Развалины Сырлы-там посетил в октябре 1946 г. проф. С. П. Толстов, однако он не упоминает имени Баршин-дарья и называет только Яны-дарью (С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. Изд. АН СССР, 1946, стр. 56—58).

где расположен Сырлы-там, имеет название Баршин-дарья; возможно, что прежде Огуз-джылгасы называлась Баршин-дарьей на всем протяжении. В канцелярии государственного участкового пристава я видел копии топографической съемки левого берега Сыр-дарьи Чимкентского уезда. На этой съемке, еще не изданной, сухое русло носит название Огуз-сай [т. е. Огузов овраг], а на нем имеются развалины городов и крепостей. Следовательно, эта древняя река, или бывший канал, во время своего существования была многоводной, протекала на очень большом расстоянии, по ней было много оседлых населений и развитого земледелия.¹

К слову «Огуз-сай» Каллаур делает примечание: «Не получило ли это русло название от бывшего здесь в старину тюркского племени огузов?»² В свете изложенных фактов это предположение Каллаура следует признать правильным: хотя слово «огуз» и означает, как имя нарицательное, «бык» (возможно, следовательно, местное название типа «Бычий овраг», «Бычий брод» и т. п.), а слово «барчив» в нарицательном употреблении значит «бархат», однако наличие в этой местности целого ряда огузских имен и огузских воспоминаний с необходимостью заставляет думать о народе огузов и его эпической героине, богатырской деве Барчин, легендарный мавзолей которой, как уже было сказано, находится в ближайшем соседстве с Баршин-дарьей.

В этой же местности и, может быть, на том же, ныне сухом русле Сыр-дарьи находился город Барчинлыккент, разрушенный в 1220 г. войсками Чингис-хана под предводительством его сына Джучи. О маршруте похода Джучи сообщает Джувеини: после разрушения Саганака (Сыгнака) отряд Джучи направляется на Узгент, затем на Барчинлыккент, Ашнас и Дженд,³ что вполне соответствует предполагаемому месту расположения названного города. «Если установить, — пишет Каллаур, — что сухое русло реки от Узгента до Сырлы-тама и далее имеет древнее название «Баршин-дарья» («Барчин-дарья»), то Барчинлыккент должен находиться на р. Баршин-дарья, именем которой назывался».⁴

Свидетельство исторических источников о городе Барчинлыккент собраны археологом П. Лерхом⁵ и В. В. Бартольдом.⁶ Город назывался «Барчинлыккент», сокращенно Барчкент или Барчинкент, на джучидских монетах — «Барчин», в китайской транскрипции «Ба-эр-чи-ли-хань» или «Ба-эр-чжень». В рассказе армянского историка Киракоса Гандзацкого

¹ Об Огуз-джылгасы ср. также: А. И. Кастанье. Древности Киргизской степи и Оренбургского края, стр. 207 и 209—210.

² В. Каллаур. Древние города, крепости и курганы по р. Сыр-дарье в восточной части Перовского уезда. Приложения к протоколу от 18 сентября 1901 г., стр. 76.

³ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II. СПб., 1900, стр. 446—447. Дата похода Джучи — 1220 г. (вместо 1219 г.) исправлена Бартольдом (там же, стр. 447).

⁴ В. Каллаур. Древние города. Приложения к протоколу от 18 сентября 1901 г., стр. 77.

⁵ П. Лерх. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1863 г. СПб., 1870, стр. 7—11.

⁶ В. Бартольд. Туркестан, ч. II, стр. 180—181, 406, 446, 450.

о путешествии армянского царя Хетума в ставку монгольского хана он упоминается под названием «Парчин».

Плано Карпини и его спутник монах Бенедикт проезжали в 1245 г. на своем пути в Монголию через разрушенные города на Сыр-дарье, еще не успевшие оправиться от недавнего монгольского погрома. «В этой земле мы нашли бесчисленные истребленные города, разрушенные крепости и много опустошенных селений. В этой земле есть большая река, имя которой нам не известно [Сыр-дарья]; на ней стоит некий город, именуемый „Janckint“ [„Янкент“], другой по имени „Barchin“ [„Барчин“] и третий, именуемый „Ornas“, и очень много иных, имена которых мы не знаем». В другом месте путешественник рассказывает о героическом сопротивлении, оказанном монголам жителями упомянутого города, который он здесь называет «Barchim».¹

Упомянем еще некоторые географические имена, засвидетельствованные в той же местности, которые, может быть, имеют отношение к истории огузов. Таково, например, название «Кыскала», которое Калаур толкует как «Гыш-кала», т. е. «Каменная (кирпичная) крепость»,² но которое гораздо убедительнее объясняется как «Кыз-кала» («Девичья крепость»). Местные названия этого типа, как известно, широко распространены на территории расселения тюркских племен и в данном случае, может быть, отражают восходящие к матриархальным представлениям воспоминания о «девушках, бывших беками у племени огузов», к которым Абулгази относит и богатырскую деву Барчин. Ср. также между Сыр-дарьей и Огуз-джылгасы отмеченные на карте Каллаура Келин-тюбе и Келин-арык (келин — «молодая женщина», «невестка»). Быть может, и название расположенного в этом районе города Узкенда следует толковать как ўзкенд из огуз-кент?

Эти и другие, пока еще не отмеченные следы огузов в низовьях Сыр-дарьи требуют тщательной проверки и дальнейшего, более широкого исследования совокупными усилиями историков-археологов, фольклористов и этнографов.

¹ Иоанн де Плано Карпини. История монголов. Перев. А. И. Малеина. СПб., 1911, стр. 51.

² В. Калаур. Древние города в Перовском уезде, разрушенные Чингис-ханом в 1219 г. Приложение к протоколу от 17 февраля 1900 г., стр. 16.